

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №1 ГАЗЕТА

Дмитрий Поляков-Катин / Берлинская жара

Дмитрий Николаевич Поляков-Катин

Родился в 1961 году в Москве. Российский писатель, автор повестей и романов: «На выдохе», «Скользящие в рай» и др. Лауреат Бунинской премии за роман «Дети новолуния». Автор — российский писатель, лауреат Бунинской премии и премии СВР в области литературы и искусства им. Е. М. Примакова.

«Берлинская жара» — первый роман трилогии под общим названием «Цепная реакция» Дмитрия Полякова-Катина. Жанр романа трудно определить одним словом: автору удалось совместить традиционное повествование, историческую хронику, элементы документальности и черты остросюжетной литературы, а также представить неожиданный поворот в известной теме разработки уранового оружия в гитлеровской Германии и поиска подходов к ее разоблачению со стороны советской разведки.

Член Союза писателей России.

«Начало века» — образ будущего

Литературному и краеведческому журналу томских писателей «Начало века» пошел семнадцатый год. Он известен не только в Томске, но и далеко за его пределами. Многие известные писатели охотно публикуются на его страницах, но главная задача издания — знакомить читателей с лучшими произведениями томских и сибирских авторов.

Журнал выходит ежеквартально при поддержке администрации Томской области. За минувшие годы изданы 64 номера. Журнал публикует не только современную прозу, поэзию, критику, публицистику, но и исторические материалы, неизданные ранее труды сибирских писателей разного времени.

С самого первого номера журнал способствовал объединению вокруг редакции литераторов, журналистов-краеведов, литературоведов, представителей общественности, читателей, равнодушных к хорошей литературе. «Начало века» по праву считается успешным проектом Томской писательской организации и её руководителя поэта Геннадия Скарлыгина. Есть у организации и другие масштабные проекты: «Клюевские» и «Шишковские» чтения, «Томская классика», «Прогулки по Томску с писателем», «Знай наших — читай наших», «Одна семья. Библиотека народов Сибири». Литературные мероприятия томских писателей отмечены четырьмя грантами Президента Российской Федерации.

Название журнала «Начало века» можно трактовать по-разному: начало века информа-

ционных технологий, начало первого века нового тысячелетия, начало новой технологической эры, и даже — начало новой литературы... В общем, все только начинается. Писатели Томска обща «рисуют» на страницах журнала образ будущего родного города, Сибири и России.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2024
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №1 /1942/ Основана в 1927 г.

Дмитрий Поляков-Катин

Берлинская жара

Роман

Светлой памяти моей мамы посвящаю

1942 год

Лейпциг, Линнештрассе, 5,
Институт физики при Лейпцигском университете,
23 июня

В тот день профессор Гейзенберг вел семинар по атомной теории, используя перерывы между лекциями для игры в настольный теннис. В этом сказывалось скорее свойство жизнерадостной природы светила квантовой механики, нежели склонность к педагогическим изыскам. Он побеждал красиво, неожиданным срезающим ударом после долгой игры «на равных». Проигрывать он не любил и не умел.

Никто бы не подумал, что в это время в бункере под неприметным баракком на территории Института физики (литера D8) осуществлялся эксперимент, положительный исход которого способен был вывести военную машину рейха на недосягаемую высоту.

Два месяца назад смонтированный на глубине пяти метров урановый котел «L-IV», состоящий из двух соединенных друг с другом алюминиевых полусфер, внутрь которых поместили 750 килограммов урана и 140 килограммов тяжелой воды, и опущенный в резервуар с водой, выдал ошеломительный результат — до поверхности котла долетало большее число нейтронов, чем излучал находящийся в центре источник.

Работавший с Гейзенбергом профессор Георг Дёпель, взволнованно жестикулируя, докладывал в Управлении вооружений сухопутных сил: «Таким образом, эта конфигурация котла обеспечивает рост нейтронов на тринадцать процентов! Рост, господа! Можно уверенно говорить о небывалом успехе немецкой физики! Если мы увеличим котел, загрузив в него примерно пять тонн замедлителя и, скажем, до десяти тонн сплавленного металлического урана, то мы получим работающую урановую машину!»

Спустя месяц завод № 1 во Франкфурте приступил к изготовлению пластин урана, произведенного концерном «Дегусса», для лейпцигского котла.

Прямо во время лекции в зал влетел перепачканный сажей ассистент Дёпеля, сжимающий в руке респиратор и защитные очки, которые запрещено было выно-

силь за пределы объекта D8, и знаками попросил Гейзенберга выйти. Тот нахмурился и, объявив короткий перерыв, подошел к бледному, как собственный халат, парню. Пока они бежали по коридорам, ассистент срывающимся от возбуждения голосом сбивчиво рассказывал о случившемся:

— Понимаете, господин Гейзенберг, мы достали котел из воды. Профессор Дёпель распорядился достать котел из воды, потому что он был в воде, и вдруг — пузыри. Мы проверили, а там — водород. Наверно, уран среагировал с водой. Решили вынуть котел из воды. Ну, мало ли, сколько там ее попало внутрь? Может, там течь, надо было проверить.

— Достали — и дальше? — не выдержал Гейзенберг.

— А дальше Тео совсем чуть-чуть ослабил колпачок штуцера, самую малость. И тут воздух начал сперва затягиваться внутрь, с такой силой, со свистом, как будто там вакуум, а потом из трещины повалил огонь... брызги огня. Трещина растет. Я побежал за водой, профессор Дёпель послал меня за водой... и сам побежал. Потом мы стали тушить, и профессор велел выкачивать тяжелую воду, чтобы спасти котел. А оттуда дым, клубами, черный. По трещине даже алюминий поплыл.

— Так сбили огонь или нет?

— Огонь сбили. А котел — назад, в воду...

Когда они вбежали в лабораторию, Дёпель сидел верхом на стуле и, положив локти на спинку, курил. Он вскинул глаза на тяжело дышащего Гейзенберга.

— Слыхали? — абсолютно спокойно сказал он. — «Шальке» все-таки проиграл мюнхенцам. Без Фюллера и Берга это уже не команда.

Чуть помедлив, Гейзенберг натянул защитный комбинезон и решительно прошел в помещение, где находился котел. Спустя пятнадцать минут он вернулся.

— Вот что, Георг, — тихо сказал он, зачем-то растирая ладони, — сейчас я пойду в аудиторию, чтобы закончить семинар. Через два часа вернусь. — Он положил руку на плечо Дёпеля. — Вы молодец. Постарайтесь зафиксировать ситуацию, просто зафиксировать. Но будьте осторожны. Не думаю, что будет еще сюрпризы.

Гейзенберг ошибся. За время его отсутствия температура котла неуклонно росла. Дёпелю ничего не оставалось, кроме как растерянно констатировать накаливание установки. Он определенно не понимал, что следует предпринять при таком положении вещей. Опять вызвали Гейзенберга. К моменту его появления вода, в которую был погружен котел, начала парить.

Стараясь не торопиться, Гейзенберг облачился в защитную одежду: очки, комбинезон, сапоги, респиратор; долго, вдумчиво натягивал перчатки, — но

только ступил за порог зала с котлом, где собрались все участники эксперимента, как стены и полы лаборатории поразила ошутимая дрожь.

— На выход! — закричал Гейзенберг. — Все вон отсюда!!

Едва выскочили наружу, лабораторию потряс мощный взрыв. Из глубины бункера ударил фонтан из пылающих крупниц урана, бетонные опоры зашатались, ленты желтого пламени опутали здание. В соседних домах посыпалась штукатурка и лопнули стекла. Секунда-другая, и безмянный объект D8 запольхал, как факел.

Пожарные расчеты прибыли на место катастрофы на десять минут раньше подразделений гестапо...

Свежеиспеченный министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер раздавил недокурную сигару в мраморной пепельнице, сосредоточенно наблюдая, как крохи табачного огня затухают, превращаясь в пепел. Затем перевел взгляд на сидевшего напротив Гейзенберга, вид которого, как ему казалось, излучал беспечность.

— И все же, мой дорогой Вернер, с каким резюме вы меня оставите? Лаборатория разрушена, существенные объемы урана и тяжелой воды утрачены. Что мне сказать фюреру? — с трудом сдерживая раздражение, спросил Шпеер.

Гейзенберг посмотрел на него почти весело.

— Знаете, я придерживаюсь того мнения, что к успеху мы поднимаемся по ступеням провалов и неудач. Иного пути познания не существует. Да, мы потеряли порошковый уран и тяжелую воду. Но мы говорим уже о другом типе замедлителя. А уран станем использовать только твердый. Наука — это не «мерседес», в котором есть педаль газа. А фюреру доложите: путь к созданию оружия возмездия открыт. Теперь уже безусловно. Урановый котел начнет работать, и очень скоро. — Гейзенберг постучал пальцем себя по лбу. — Он уже работает. Так и скажите.

1943 год

**Берлин, Вильгельмштрассе, 77,
Рейхсканцелярия,
14 мая**

Гитлер появился в зале совещаний, расположенном со стороны Фоссштрассе, из боковой, неприметной двери, откуда его никто не ждал, одетый не в серый полевой мундир, как обычно, а в темно-синий шевитовый костюм с широкими лацканами и в новых очках на носу, к которым еще не привык, отчего он сделался похож на учителя словесности из баварской глубинки. За ним следовал рейхслайтер Бор-

ман, приземистый, плотный, подвижный, пышущий свежестью полного лица, на днях назначенный личным секретарем фюрера. Коротко поздоровавшись, Гитлер долго приглаживал волосы напряженно выгнутыми ладонями, бросая на собравшихся настороженно-внимательные взгляды, и молчал. Молчали и вызванные на совещание высшие чины вермахта, СС и МИДа (всего девять человек), давно изучившие повадки фюрера и спокойно ожидавшие начала. С учетом участвовавших авианалетов союзников на Берлин проводить такие собрания в помещении Рейхсканцелярии можно было считать небезопасным, однако фюрер хотел показать себе и своим подчиненным, кто в доме хозяин; к тому же формат был определен как краткое совещание. Несмотря на распоряжение фиксировать все выступления участников подобных мероприятий, в зале отсутствовали стенографисты. Это указывало на неформальность данной встречи.

Гитлер выглядел усталым; казалось, он забыл что-то важное и теперь старается вспомнить. Обожженные в газовой атаке под Ипром глаза заметно покраснели, веки набрякли более, чем обыкновенно. Наконец он внутренне собрался, выпрямил спину, черты лица обрели твердость, в пальцах рук обозначилось напряжение. Он энергично втянул в себя воздух и так же энергично выдохнул. Это послужило сигналом Борману, чтобы объявить начало.

В течение получаса собравшиеся внимательно слушали то, что было им хорошо известно и о чем фюрер говорил практически на каждой встрече. Речь его была полна трюизмов: «нужны решительные действия», «важна концентрация возможностей», — однако в ней также присутствовало ясное понимание происходящего, основная мысль была сформулирована четко, логично и убедительно.

Суть сказанного фюрером сводилась к следующему. В результате просчетов и прямого предательства 6-я армия, оказавшись в кольце под Сталинградом, была уничтожена. «В ней было слишком много русских, — заметил фюрер, имея в виду русских добровольцев, примкнувших к Паулюсу. — А я всегда утверждал, что тевтонский дух требует чистоты». Это поставило Германию перед вопросом выбора стратегии на текущий 1943 год.

Не секрет, что пораженческие настроения посетили часть генералитета, выступившего за переход к глубокой обороне. Этот тезис фюрер снабдил ремаркой: «Я понимаю эгоизм Муссолини, который призывает меня не предпринимать наступательных действий на Восточном фронте и просит перебросить минимум пятнадцать наших дивизий в Северную Африку, чтобы не допустить высадки британского десанта. Увы, храбрость итальянских солдат, как все мы видим, осталась в Древнем Риме. Но я решитель-

но не понимаю германских генералов, готовых отступить перед лицом военной неудачи, предпочтя сдачу завоеванных позиций нанесению мощного, концентрированного контрудара».

Далее Гитлер задался вопросом: имеются ли в сегодняшней военно-политической ситуации основания для подобного оптимизма? Ведь что скрывать — инициатива упущена, фронт растянут, да и Муссолини ждет помощи. Здесь фюрер обратился к принципу реальной политики, предложенному еще фон Рохау в середине прошлого века. «Нам кажется, что мы оказались в патовом положении. — Фюрер обвел тяжелым взглядом собравшихся и откинулся на спинку кресла. — Но никогда еще международное положение Советов не было столь шатким, как сегодня. Никогда противоестественная коалиция англосаксов и славянских большевиков не подвергалась такому испытанию, которое неизбежно сотрет ее в пыль».

По данным разведки, на днях Черчилль уведомил Сталина, что движение конвоев с военными грузами из Британии в СССР на какое-то время придется прервать, поскольку весь существующий тоннаж необходим для англо-американской операции на юге Европы. Вероятнее всего, это связано с успехом Красной Армии под Сталинградом. Очевидно, что англичане не хотят победы большевиков. Агентура в Лондоне докладывает, что Кремль в ярости. Из британских источников удалось узнать о телеграмме Сталина, направленной Черчиллю, в которой он в непозволительном тоне требует открыть Второй фронт. Судя по всему, Черчилль отказал, поскольку Сталин отозвал своего посла из Лондона. Вероятно, такая же ситуация сложилась и в отношениях с американцами: Литвинов тоже должен будет покинуть Вашингтон.

Здесь Борман передал слово представителю рейхсминистра иностранных дел Хевелю, который проинформировал о реакции мировой общественности на результаты экспертизы останков польских офицеров, обнаруженных в Катыни. «Сикорский порвал отношения с Советами. В Британии, США и Канаде растет возмущение, подогреваемое польскими эмигрантами», — кратко доложил Хевель, отняв платок от распухшего носа: он явился на совещание с высокой температурой. Кроме того, он сообщил о жестких противоречиях Сталина с союзниками в вопросе высадки последних на Балканах. «Пусть высаживаются во Франции, — якобы сказал Сталин. — Балканы — зона моих интересов».

Более того, имеются сведения о том, что Сталин решится на роспуск Коминтерна. При этих словах Хевель выразительно посмотрел на сидевшего по правую руку от Гимmlера и что-то записывающего в блокнот начальника VI Управления РСХА (внешняя

разведка) штандартенфюрера СС Шелленберга. Тот будто почувствовал взгляд Хевеля и, не поднимая глаз, утвердительно кивнул.

«Все эти дипломатические поражения Сталина, которые следуют одно за другим, — продолжил Гитлер, — наводят меня на мысль: не является ли сложившийся сегодня внешнеполитический пасьянс наиболее выгодным для решительного удара по истощенным силам красных? — Гитлер имел в виду разрабатываемый командованием вермахта наступательный план «Цитадель». — Курско-орловский выступ напоминает мне нос, вернее, переносицу. В боксе прямой удар в переносицу, как правило, решает исход поединка. Поэтому я хочу услышать аргументированные возражения, чтобы принять нужное решение. Доводы Моделя и Гудериана, как и присутствующего здесь Шпеера, уже вынудили меня отложить начало операции». Поспешная реплика начштаба вермахта фельдмаршала Кейтеля, что наступление следует предпринять по политическим соображениям, повисла в воздухе.

Реальная политика, сказал фюрер, заставляет нас правильно распределить приоритеты. Поэтому Муссолини придется своими силами сдерживать противника. А наш кулак следует направить туда, куда выгодно для Германии. В этой связи мы ждем от абвера, равно как и от СД, значительно большей активности в сборе оперативной информации. Гитлер обратился к сидевшему тихо, какмышь, новому начальнику первого отдела абвера полковнику Ханзену: «Кстати, где Канарис? Не так часто я зову его на совещания». Ханзен сбивчиво доложил, что Канарис в Испании. Но Гитлер не стал его слушать, махнув рукой.

В этом месте Хевель сдавленно чихнул. Гитлер удивленно посмотрел на него: «Надо лечиться, Вальтер. Сейчас не время болеть. Помните, насморк помешал Наполеону выиграть битву при Ватерлоо». Хевель судорожно закивал и погрузился в носовой платок.

«А теперь о главном, о том, что внушает мне оптимизм, что питает мою веру в победу. — Вытянутая рука фюрера мягко опустилась на стол. — Это великие достижения нашей науки в создании чудо-оружия, которое — теперь я в этом абсолютно уверен — поставит жирный крест на этой войне, сколько бы фронтов против нас ни открывали наши враги. И речь вовсе не о «Фау», как вы могли подумать. Речь о том, что трудно себе даже вообразить. И уже очень скоро. Предлагаю рейхсфюреру Гиммлеру, который, по моему распоряжению, возглавил весь комплекс работ по созданию нового вооружения, доложить о нашем прорыве в этом направлении». Легкое оживление в зале показало неподдельный интерес к этой теме.

Не изменив напряженной, почти робкой позы, Гиммлер поправил очки, тихо кашлянул, принял черную папку из рук Шелленберга и деликатно подвинул ее Гитлеру.

— Мой фюрер, — тихо сказал он, — прежде чем я смогу ответить на ваши вопросы и на вопросы моих коллег, прошу вас лично просмотреть этот доклад. Как вы, безусловно, понимаете, есть определенная специфика, выделяющая данную тему, и я бы просил, чтобы вы с ней предварительно ознакомились. В любом случае и я, и соответствующие специалисты круглосуточно в вашем распоряжении.

— Вы считаете?... Хорошо. — Гитлер передал папку Борману и согласно кивнул.

Стало понятно, что Гиммлер не желает раскрывать подробности в присутствии кого бы то ни было, кроме самого фюрера. С его подачи о чудо-оружии болтали в каждой пивной, так что вера в него растаяла раньше слухов. Но вот надежды пылали все жарче.

Других выступлений предусмотрено не было. Гитлер встал. Вслед за ним, с грохотом отодвигая массивные кресла, поднялись все присутствующие.

— Я пригласил вас вовсе не затем, чтобы здесь и сейчас принять решение, — устало подытожил фюрер, — а затем, чтобы, с учетом всего здесь сказанного, вы подумали и сделали свои выводы, о которых мы еще поговорим. — Он замолчал, устремив взгляд на объемную картину Воллбера «Партийный съезд в Нюрнберге» 1933 года, и тихим голосом добавил: — Это относится ко всем сомневающимся... Хайль.

Когда они выходили из Рейхсканцелярии, со стороны Унтер-ден-Линден донеслись визги сирен, предупреждающие о возможности авианалета. Надев фуражку, Шелленберг невесело пошутил, вращая пальцем возле своего уха:

— Если бы слуха Вагнера коснулись эти звуки, валькирии полетели бы под другую музыку.

Кейтель холодно посмотрел на него через монокль в левом глазу и ничего не сказал, а вот Йодль не сдержал усмешки. Идущий позади рейхсминистр Шпеер похлопал Шелленберга по плечу и шепнул ему на ухо: «Забавно».

**Берлин, Шарлоттенбург,
16 мая**

В лабиринте подвалов роскошного отеля «Адлерхоф», возведенного на фундаменте винных амбаров в стиле прусского эллинизма чуть ли не самим Карлом Фридрихом Шинкелем (что было, конечно, рекламным мифом), время словно застыло в точке до военного благоденствия. По неведомым причинам

самолеты союзников обходили стороной дорогу на Потсдам, зенитные батареи на Кайзерштрассе преимущественно стояли без дела, и отчасти по этой причине «Адлерхоф» уверенно держал марку спокойной и безопасной гавани для приезжающих в Берлин госчиновников, высокопоставленных военных и иностранцев.

Запоздалая весна навалилась наконец теплой грудью на измученный холодными дождями город, согрела его мягким жаром созревшего тела, и на какой-то миг могло показаться, что войны нет, а есть только солнце и цветущие под ним душистые кусты сирени. С улиц исчез наконец терпкий дух бурого угля, которым испокон века топились печи берлинских домов, и оживившиеся хозяйки кинулись драить покрытые рыжим налетом окна и подоконники своих квартир, словно смывали следы тяжелой зимы со своей жизни.

Бодро загребая кривой ногой, в бар отеля «Адлерхоф» спустился, как всегда, идеально выбритый, с фиолетовой бабочкой вместо галстука, Гуго фон Носков по прозвищу Джорджи Танцуй-нога, последний представитель захиревшего рода саксонских землевладельцев, и решительно направился в казино. Танцуй-нога был фатальный игрок, еще до войны промотавший на скачках львиную долю родительского состояния и теперь добивавший его остатки, всеми доступными способами испытывая Фортуна. За собой на поводке он тащил упиравшегося, сдавленно хрипящего черно-белого бульдога с грозно выдвинутой нижней челюстью.

Проходя мимо барной стойки, Джорджи задержался возле одиноко сидевшего перед стаканом кальвадоса управляющего отелем Франса Хартмана, крепкого bruneta с медальным профилем и смуглой, лоснящейся кожей: над верхней губой протянулась щегольская полоска усов. По-видимому, он сидел так давно, задумавшись, ни на кого не обращая внимания. Будучи подшофе, Джорджи проскочил было мимо, но, дернувшись, застыл на месте, прикидывая, что бы такое сказать позакорыстее. Не поворачивая головы, Хартман заметил:

— Английский бульдог. Это не очень патриотично.

Джорджи дернул за поводок; пес, тяжело дыша, сел под стойкой.

— Но ведь немецких еще не вывели, — ухмыльнулся Джорджи и плюхнулся на барный стул рядом с Хартманом. — Уверю тебя, и фюрер предпочел бы такого французскому. Мы, немцы, не любим слащавых собак.

— И как тебе хватает денег кормить такого бегмота?

Худое лицо Джорджи посетила гримаса хмельного самодовольства.

— Это мой Боров. Его зовут Боров. С ним мне не страшны никакие авианалеты.

Боровом в народе называли главу люфтваффе Германа Геринга. Хартман повернул к Джорджи лицо с насмешливой ухмылкой:

— Мой друг, с такими шутками недолго оказаться в Дахау.

— Но ты же меня выгатаишь, — возразил Танцуй-нога и игриво насторожился: — Или все-таки упе-чешь, как велит долг немецкого офицера?

Все знали, что, являясь управляющим столь крупного отеля, Франс Хартман, как и многие сугубо штатские персоны, занимавшие важные общественные посты, неизбежно получал звание в системе СС, причем звание существенное, хотя и относился он к этому как к формальному обременению. Все знали и то, что Хартман не грешит доносами, не кичится связью с полицией безопасности, что он прост, открыт, не настаивает на единомыслии, что к нему можно обратиться в трудную минуту. К тому же он был наполовину испанцем, звали его Франсиско; являясь гражданином Германии, он сохранил и испанский паспорт, хотя и не мог без особого разрешения выезжать за рубеж, как его патрон, швед Андерсон, действительный владелец «Адлерхофа», и эти обстоятельства как-то располагали к нему всех, кто был с ним знаком.

— Знаешь что, Гуго, я дам тебе совет, абсолютно бесплатный. Ты играй в карты, в рулетку, в лапту, во что хочешь. Но не играй с гестапо. Не надо. Там работают люди без чувства юмора. А эта твоя бравада... — Хартман принял прежнюю позу, отвернувшись от Джорджи. — Ступай-ка ты в казино. Там тебя уже заждались.

Тонкие губы Джорджи вытянулись в подрагивающую нить.

— Да, — сказал он, — нам всем надо было это понять давным-давно... Идем, Боров, — обратился он к собаке, — нас уже заждались.

Оставшись в одиночестве, Хартман шелкнул зажигалкой и задумчиво уставился на красноватое пламя. Кальвадос был налит в стакан для виски, но виски, по понятным причинам, в баре не было. Он к нему так и не притронулся. В его лице нельзя было разглядеть ничего, кроме спокойствия, и лишь строгая складка между бровей выдавала внутреннюю напряженность.

— Господин Хартман, — обратился к нему бармен, худой парень, которому Хартман выбил бронь от мобилизации, — звонил портье. Вас спрашивает какой-то офицер.

— Спасибо, Понтер. — Хартман отодвинул стакан, поднялся, одернул пиджак и поправил галстук. — Проследи, чтобы господин фон Носков не налился до мертвого тела. И принеси из подвала

ящик шнапса. Сегодня будет много военных. Пусть девочки ведут себя по возможности скромно.

Поднимаясь по лестнице, он наткнулся на торговца концерна «СКФ» Свена Берглунда, тучного, краснощекого шведа с могучими руками землекопа и круглыми детскими глазами в обрамлении пушистых ресниц. Последние четыре года Берглунд непрерывно крутился в треугольнике Стокгольм — Швайнфурт — Берлин, обеспечивая поставки шведских подшипников, уплотнителей и систем смазки для вермахта. Теперь он экстренно прибыл в Берлин из Женевы, чтобы в «Адлерхофе» встретиться с кем-то из Министерства вооружений и боеприпасов, а затем получить аудиенцию у начальника управления Вагера и, возможно, у самого Шпеера.

Берглунд обрадовался Хартману как родному:

— Знаете, Франс, о чем сейчас больше всего говорят в Женеве? Все обсуждают, — он начал загибать толстые пальцы, — Сару Леандер. Свадьбу венгерского посланника и местной графини, которая старше его на двадцать лет. Праздник винных подвалов... Что еще? А! У них заглох их знаменитый фонтан... Ужас!

— Это может стоить им слишком дорого, — покачал головой Хартман.

— Что именно?

— Беспечность. В наше время этот товар идет по двойной цене. — Хартман печально вздохнул и заметил: — До меня донеслись кое-какие слухи про Швайнфурт.

— Это не слухи. Янки пытались бомбить наш завод в Швайнфурте, но доблестная германская ПВО испортила им обедню. — Берглунд неуместно захохотал. — Признаться, в какой-то момент я усомнился в целесообразности нашей встречи с господином Шпеером.

— Как поживает ваш отец? — спросил Хартман. — Кстати, мне в руки попал интересный рецепт от подагры.

— О, я не видел его уже полгода. Он уехал на Готланд и живет там анахоретом, ни с кем не хочет общаться...

Они еще немного поболтали, потом Хартман, сославшись на то, что его ждут, откланялся, предусмотрительно пригласив Берглунда на ужин, когда тот завершит все свои дела.

Завидев Хартмана, портье глазами указал на долгоязого майора, укутанного завесой сизого дыма, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу, точно конь в стойле.

— Господи, Франс, наконец-то! — кинулся он к Хартману, стуча каблуками сапог по натертому паркету. — Как хорошо, что я тебя застал! У меня совершенно нет времени, через час лечу в Польшу, а ведь

надо еще добраться до Темпельхофа. Так что постарайся меня услышать за оставшиеся три минуты.

Хартман знал этого офицера люфтваффе около двух лет. Они познакомились случайно в Париже, когда в одном из летних кафе приурадили за двумя француженками, оказавшимися служащими гестапо.

— Что ж такое ты куришь-то? — с удивлением поморщился Хартман.

— А, это... Это называется махорка — даже не знаю, как перевести. Друзья привезли с Восточного фронта. Несусветная гадость, но действует как две пачки наших «Р6». Возьми, попробуй.

— Нет, спасибо. — Хартман закашлялся. — Как вообще это можно курить? Один дым сбивает с ног.

— Русские могут курить даже землю.

— Больше похоже на разновидность химического оружия, — пошутил Хартман. — Ну, ладно. Что у тебя за проблемы?

— Это не у меня. Вон смотри — *karuzo*¹ вправо — восхитительная фройляйн, родственница одного моего старого товарища. Идем, я тебя познакомлю. Проблемы, это у нее. Она обратилась ко мне, но что я могу сделать? А у тебя, насколько я помню, хорошая лапа в крипо. Может, поможешь ей чем-нибудь?

Из кресла, задвинутого в нишу эркера, навстречу поднялась худенькая девушка лет двадцати восьми, одетая в легкое летнее платье и шерстяной жакет. Сквозь маленькие очки на них растерянно и беспомощно смотрели прозрачно-голубые глаза.

— Вот, Дори, — сказал майор, — как и обещал. Это господин Хартман, управляющий «Адлерхофом», мой друг. Между прочим, оберштурмбаннфюрер и вообще влиятельный человек. Я все сказал, Франс?

— Даже с избытком.

— Ну, полагаю, Дори сама расскажет о своих бедах. А я, дорогие мои, уже улетаю. — Майор сдвинул каблуки сапог. — Больше ни минуты. Улетаю, улетаю. Адъёс, амиго!

Оставшись наедине, Хартман некоторое время молча наблюдал, как девушка что-то взволнованно ищет в сумочке.

— Может быть, присядем? — предложил он.

— Нет-нет, — затрясла головой девушка. — Здесь душно. Давайте выйдем в сад.

Она наконец достала из сумочки сигарету, Хартман любезно шелкнул зажигалкой:

— Хорошо, фройляйн. Тогда сюда, пожалуйста.

Они прошли в сад отеля. Стояла теплая, ясная погода. Сад был устроен в виде террасы с потолком из протянутой по деревянной решетке виноградной

¹ Кодовая фраза пилотов люфтваффе, обозначающая курс.

лозы, через которую солнце падало на пол сочными пятнами цвета яичного желтка. Снаружи доносился шум большого города, но здесь царил дух непривычного покоя. Они присели на скамью перед неработающим фонтаном.

— Доротея Сюржит, — представилась девушка и неуверенно протянула руку: — Можно просто Дори.

— В таком случае зовите меня Франсом.

— Вы служите в СС?

— Нет, я служу в этом отеле, — усмехнулся Хартман. — Вероятно, вас настораживает мое воинское звание, но, увы, война всем раздает погоны. А вы где служите?

— В АА.

Хартман удивленно вскинул брови. Девушка улыбнулась:

— Министерство иностранных дел сокращенно. Я работаю в отделе информации. У меня неплохой английский.

— Читаете вражеские газеты?

— В основном индийские. — Она нервно хихикнула. — Иногда канадские.

— Полагаю, занимательное чтение. Вы довольны?

— Да, конечно. Хорошее снабжение. А главное — душ. Без ограничений.

— О, по нынешним временам, важная льгота. Ради этого стоит помучиться с индийской прессой. — Хартман стер улыбку с губ и нахмурился: — Ну, так что же, Дори, я внимательно слушаю вас.

Порывистым движением девушка расправила платье, что позволило Хартману оценить ее изящные колени, обтянутые недешевыми, хотя и несколько подзастиранными шелковыми чулками. Она опустила голову, потом подняла ее и выпрямилась. Ей было явно не по себе.

— Понимаете, — Дори вынула изо рта сигарету и кончиками пальцев сняла с языка табачные крошки, — все произошло так быстро и неожиданно... Я уже говорила Вальтеру. Он сказал, что у вас... что вы... одним словом, что вы располагаете связями в криминальной полиции и, значит, можете помочь.

— Слушаю вас, — мягко повторил он.

— Речь о моем старшем брате. Два дня назад в Кройцберге прошла облава в пивном баре «Тритон». Там шла игра на тотализаторе, карты, рулетка. Оказалось, что, кроме прочего, там сбывали еще и краденое... Словом, такое вот осиное гнездо. Мой брат, Отто, он игрок. Большой человек. Он без этого жить не может. Что я только не делала, но он, как сумасшедший, тащит туда все, что попадает в руки. Вот его и арестовали за компанию. И я не знаю теперь, куда бежать... Обращалась в полицию, но там ничего не говорят. Даже передач не принимают. А один фельдфебель сказал, что, по законам военного вре-

мени, его могут отправить в лагерь или даже хуже того — казнить.

— С чего вы взяли, что он там был? Может, он гуляет где-нибудь.

— Не знаю... Но он исчез. Просто не пришел домой. И всё. А мне сказал, что пойдет именно в «Тритон». Но если его арестовали, то по ошибке, потому что Отто не преступник, обыкновенный картежник. А они могут подумать, что он такой же, как эти, из-за которых они все это устроили. В общем, мне необходимо узнать, где его содержат и... Если бы вы нашли возможность что-то сделать, чтобы его отпустили, я была бы вам очень, очень признательна.

— Ну, хорошо, хотя наш общий товарищ несколько преувеличивает мои возможности, я наведу справки, обещаю вам.

— Правда? Тогда вот, — она сунула ему заранее подготовленную записку, — тут мой адрес — это в Трептове, ближе к Кройцбергу — и номер служебного телефона. Я по нему с семи до... ну, в общем, до позднего вечера. Господин Хартман...

— Франс.

— Да-да, Франс, вы не представляете, как я вам признательна.

— Пока не за что, Дори.

Он проводил ее к выходу. Дори протянула ему руку и слабо улыбнулась:

— Благодарю вас, господин... благодарю вас, Франс. Я места себе не нахожу. К тому же если в АА узнают, что мой брат под арестом, да еще с какими-то бандитами, я сразу окажусь на улице. Это, конечно, не главное, но вы сами понимаете, в такое время потерять хорошую работу...

— Не волнуйтесь, Дори. Я что-нибудь разузнаю и сразу вам позвоню.

Дори толкнула входную дверь. В окно он видел, как она идет по улице, мимо «богвардов» с солдатами, в сторону метро, забыв надеть шляпку. Хартман загасил в пепельнице окурочек, вытянул из рукавов манжеты и пошел к портю, чтобы просмотреть список прибывших постояльцев, но на полпути замер на месте. Затем развернулся и почти бегом бросился к выходу.

— Дори!

Девушка обернулась. Короткие светлые волосы растрепались на ветру. Она откинула челку со лба и приставила ладонь к бровям, защищаясь от солнца. И как-то особенно стало заметно, что жакет ей велик, что его пора уже снять, что наконец-то пришло лето.

— Дори, — он вытянул руку, — я хотел сказать... Завтра же выходной. Так почему не поужинать вместе?.. Как вам такое предложение?

Лицо ее осветилось легкой улыбкой.

— Принято, — крикнула она и помахала шляпкой.

Москва, площадь Дзержинского, 2,
НКВД СССР,
17 мая

Глубокой ночью дверь в кабинет начальника 1-го управления НКГБ Ванина отворилась, и в проеме возникла скрюченная фигура его помощника, капитана Валюшкина. Стараясь передвигаться на цыпочках, замирая от скрипа паркетных досок, Валюшкин приблизился к кожаному дивану, на котором спиной к горячей на письменном столе лампе спал Ванин.

— Товарищ комиссар, — еле слышно проблеял Валюшкин, — Павел Михайлович.

Тяжелое дыхание Ванина на мгновение остановилось, и он стал подниматься, невнятно бормоча: «Да не брал я, не брал». Потом он сел, прижал к лицу ладони, откинул их и поднял на Валюшкина красные глаза.

— И приснится же такая чепуха, — словно оправдываясь, хмуро проворчал он. — Что у тебя, Валюшкин?

— Шифрограмма из Берлина. От Рихтера. Вы велели будить, если придет.

— Хорошо. — Ванин отбросил плед, которым укрывал ноги. — Давай сюда.

Валюшкин протянул телеграмму.

— И вот что, скажи, пусть... кто там дежурит, Аглая Ивановна?.. Пусть она мне кофе сварит покрепче.

— Да я сам сварю, Пал Михалыч. — Круглая физиономия Валюшкина растянулась в улыбке. — Она там сморилась пока, прямо на столе.

— Ну, хорошо, давай. Да гляди, чтоб не остыл.

— Сей момент.

— Что-о?

— Будет сделано, Пал Михалыч. — Валюшкин бодро засеменял в приемную. Этого неуклюжего, лопоухого капитана двадцати восьми лет от роду Ванин забрал из госпиталя, где тот приходил в себя после осколочного ранения в грудь. Парня повысили в звании и комиссовали. Тридцатишестилетний Ванин как раз подыскивал себе кого-то вроде адъютанта — если не ровесника, то уж точно моложе себя, и растерянный, похожий на воробья энкавэдэшник, прошедший через мясорубку ржевских битв, привлек его внимание.

Как был, босой, в галифе и белой нижней рубашке, Ванин сел за стол, положил шифрограмму под лампу и внимательно, осмысливая каждое слово, прочитал ее. Рихтер сообщал:

«Рихтер — Старику. От Баварца. Гитлер до сих пор не принял решение о новой дате наступательной операции в направлении Курск—Орел. Гудериан, Модель, фон Клюге, Манштейн настаивают на переходе к окопной войне, чтобы в течение года со-

брать силы для удара. Гитлер рассчитывает на рост противоречий между СССР и Британией вплоть до разрыва отношений. В ходе совещания 14 мая он отметил важность крупного наступления для поддержания духа в войсках. При этом согласился с мнением Йодля, что пока можно ограничиться операцией на юго-востоке Украины. В заключение Гитлер потребовал к следующей встрече высказать аргументы за и против введения в действие операции «Цитадель». Одновременно наблюдается масштабная мобилизация ресурсов, укрепляется самоходное, танковое и противотанковое оснащение. На совещании Гиммлер передал Гитлеру доклад о достижениях в разработке чудо-оружия, но отказался публично его озвучивать. По словам контакта, близкого к группе Остера, с начала года немецкие физики сделали важный прорыв в урановом проекте».

Красным карандашом Ванин подчеркнул в донесении два последних предложения. Затем подошел к сейфу, достал из него несколько радиogramм, полученных за последний месяц от резидентуры в Германии, США и Швейцарии, содержание которых пересекалось с тем, о чем сообщал Рихтер, перечитал их и также отметил красным некоторые фрагменты.

В кабинет с дымящимся кофе вошел Валюшкин; стараясь не расплескать, поставил чашку перед Ваниным.

— Костину отправили? — не отрываясь от бумаг, спросил Ванин.

— Так точно.

— Утром, как появится, пусть сразу зайдет.

Валюшкин направился было к выходу, но на полу пути замер и обернулся.

— Босый! — всплеснул он руками. — Да как же это вы босый-то сидите? Неделю, как из болезни — и опять?

— Ладно-ладно, иди, — отмахнулся Ванин.

— Как это «иди»? — не унимался Валюшкин. — Мне что же, опять вам горчичники клеить? Вон же сапоги стоят, каши ж не просят.

— Иди, Сергей, я сейчас обратно лягу.

Губы Ванина тронула невольная улыбка. Сам деревенский, он любил этот сельский говорок, которым грешил Валюшкин, родившийся на Вологодчине. Коренастый, крепко сбитый для тяжелой крестьянской работы, с простовато-грубыми чертами лица и маленькими серыми глазами, Ванин часто ловил себя на кажущейся неисполнимой мечте вновь оказаться в родном Капонине — в избе, на сеновале, на речке, — пройти по пыльной улице, потянуть за вожжи отцовскую гнедую кобылу..

— Подними меня ровно в семь, — сказал он Валюшкину. — Да сам вздремни.